
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

9 (31) марта 1814 г. русские войска во главе с императором Александром I триумфально вступили в Париж. Взятие столицы Франции стало завершающим сражением наполеоновской кампании 1814 г., после которого французский император Наполеон I Бонапарт отрекся от трона.

Разбитая под Лейпцигом в октябре 1813 г. наполеоновская армия уже не могла оказывать серьезного сопротивления. В начале 1814 г. войска союзников, состоящие из русских, австрийских, прусских и немецких корпусов, вторглись на территорию Франции с целью свержения французского императора. Русская гвардия во главе с императором Александром I вошла во Францию со стороны Швейцарии, в районе Базеля. Союзники наступали двумя отдельными армиями: русско-прусскую Силезскую армию возглавлял прусский фельдмаршал Г.Л. фон Блюхер, а русско-немецко-австрийская армия была отдана под начало австрийского фельдмаршала К.Ф. цу Шварценберга.

В сражениях на территории Франции Наполеон чаще союзников одерживал победы, но ни одна из них не стала решительной из-за численного превосходства противника. В конце марта 1814 г. французский император принял решение пройти к северо-восточным крепостям на границе Франции, где рассчитывал прорвать блокаду вражеских войск, освободить французские гарнизоны, и, усилив свою армию, принудить союзников к отступлению, угрожая их тыловым коммуникациям. Однако союзные монархи, вопреки ожиданиям Наполеона, 12 (24) марта 1814 г. одобрили план наступления на Париж.

17 (29) марта союзные армии подошли к передовой линии обороны Парижа. Город на тот момент насчитывал до 500 тыс. жителей и был неплохо укреплен. Обороной французской столицы руководили маршалы Э.А.К. Мортье, Б.А.Ж. де Монсей и О.Ф.Л.В. де Мармон. Верховным главнокомандующим обороны города был старший брат Наполеона, Жозеф Бонапарт. Войска союзников состояли из трех основных колонн: правую (русско-прусскую) армию возглавлял фельдмаршал Блюхер, центральную - российский генерал М. Б. Барклай-де-Толли, левой колонной руководил кронпринц Вюртембергский. Сражение за Париж стало одной из самых кровопролитных битв для союзных войск, потерявших за один день более 8 тыс. солдат, 6 тыс. из которых - воины российской армии.

Наступление началось 18 (30) марта в 6 ч. утра. В 11 ч. к укрепленному селению Лавилет приблизились прусские войска с корпусом М. С. Воронцова, а русский корпус генерала А.Ф. Ланжерона начал наступление на Монмартр. Видя с Монмартра гигантские размеры наступающих войск, командующий французской обороной Жозеф Бонапарт покинул поле боя, оставив Мармону и Мортье полномочия для сдачи Парижа.

В течение 18 (30) марта все пригороды французской столицы были заняты союзниками. Видя, что падение города неизбежно и стараясь уменьшить потери, маршал Мармон отправил парламентаря к русскому императору. Однако Александр I предъявил жесткий ультиматум о сдаче города под угрозой его уничтожения. 19 (31) марта в 2 ч. ночи капитуляция Парижа была подписана. К 7 ч. утра, по условию соглашения, французская регулярная армия должна была покинуть Париж. В полдень русская гвардия во главе с императором Александром I торжественно вступила в столицу Франции.

Президентская библиотека

«ШПАГА ВСЕ ПОКОНЧИТ»

Военные критики находят кампанию 1814 г. одной из самых замечательных частей наполеоновской эпохи с точки зрения стратегического творчества императора.

Битва при Шато-Тьерри 12 февраля кончилась новой большой победой Наполеона. Если бы не ошибочное движение и опоздание маршала Макдональда, дело кончилось бы полным

истреблением сражавшихся у Шато-Тьерри союзных сил. 13 февраля Блюхер разбил и отбросил маршала Мармона. Но 14 февраля подоспевший на помощь Мармону Наполеон разбил снова Блюхера в битве при Вошане. Блюхер потерял около 9 тысяч человек. К Наполеону подходили подкрепления, а союзники потерпели ряд поражений, и все-таки положение императора оставалось критическим; у союзников в наличии сил было гораздо больше, чем у него. Но эти неожиданные, ежедневно следующие одна за другой победы Наполеона так смутили союзников, что числившийся главнокомандующим Шварценберг послал в лагерь Наполеона адъютанта с просьбой о перемирии. Новые две битвы - при Мормане и при Вильневе, тоже окончившиеся победой французов, - побудили союзников к этому неожиданному шагу - просьбе о перемирии. Наполеон отказал посланцу Шварценберга (графу Парру) в личном свидании, а письмо Шварценберга принял, но отложил свой ответ. «Я взял от 30 до 40 тысяч пленных; я взял 200 пушек и большое количество генералов», - писал он Коленкуру и заявлял при этом, что может примириться с коалицией только на основании оставления за Францией ее «естественных границ» (Рейн, Альпы, Пиренеи). На перемирие он не согласился.

18 февраля произошла новая битва при Монтеро, и опять союзники потеряли убитыми и ранеными 3 тысячи, а пленными - 4 тысячи человек и были отброшены.

Наполеон, по отзывам даже неприятельских наблюдателей и мемуаристов, превзошел самого себя в этой, казалось, совсем безнадежной кампании 1814 г. Но солдат было мало, а маршалы (Виктор, Ожеро) были утомлены до последней степени и делали ряд ошибок, поэтому Наполеон не мог использовать полностью свои неожиданные в тот момент и блестящие победы. Наполеон гневно и нетерпеливо выговаривал маршалам и торопил их. «Какие жалкие оправдания вы мне приводите, Ожеро! Я уничтожил 80 тысяч врагов с помощью новобранцев, которые были еле одеты... Если ваши 60 лет вас тяготят, сдайте командование!..» «Император никак не желал понять, что не все его подчиненные - Наполеоны», - говорил потом, вспоминая об этом времени, один из его генералов. <...>

20 марта произошла битва при Арси-сюр-Об между Наполеоном, у которого в тот момент на поле сражения было около 30 тысяч человек, и союзниками (Шварценберг), у которых было до 40 тысяч в начале битвы и до 90 тысяч к концу. Хотя Наполеон считал себя победителем и действительно отбросил неприятеля на нескольких пунктах, но на самом деле битву должно считать не решенной по ее результатам: преследовать Шварценберга с его армией после сражения Наполеон не мог, он перешел обратно через реку Об и взорвал мосты. Наполеон потерял в сражении при Арси-сюр-Об 3 тысячи человек, союзники до 9 тысяч, но достигнуть разгрома союзных армий Наполеону, конечно, на этот раз не удалось. Союзники боялись народной войны, всеобщего ополчения, вроде того, которое в героические времена Французской революции спасло Францию от интервентов и от реставрации Бурбонов... Александр, Фридрих-Вильгельм, Франц, Шварценберг и Меттерних успокоились бы, если бы подслушали, о чем разговаривали вечером после битвы при Арси-сюр-Об Наполеон с генералом Себастьяни. «Ну что, генерал, что вы скажете о происходящем?» - «Я скажу, что ваше величество несомненно обладаете еще новыми ресурсами, которых мы не знаем».- «Только теми, какие вы видите перед глазами, и никакими иными».- «Но тогда почему ваше величество не помышляете о том, чтобы поднять нацию?» - «Химеры! Химеры, позаимствованные из воспоминаний об Испании и о Французской революции. Поднять нацию в стране, где революция уничтожила дворян и духовенство и где я сам уничтожил революцию!». <...>

После битвы при Арси-сюр-Об Наполеон попытался зайти в тыл союзников и напасть на сообщения их с Рейном, но союзники уже окончательно решили идти прямо на Париж. Из случайно перехваченных русскими казаками писем императрицы Марии-Луизы и министра полиции Савари к Наполеону Александр убедился, что настроение в Париже такое, что народного сопротивления ждать нельзя и что приход союзной армии в Париж сразу решит всю войну и кончит ее низвержением Наполеона. <...> Путь загоразивали только маршалы Мармон и Мортье и генералы Пакто и Амэ; у них в общей сложности было около 25 тысяч человек. Наполеон с главными силами был далеко в тылу союзников. Битва при Фер-Шампенуазе 25 марта кончилась победой союзников над маршалами. Они были отброшены к Парижу, 100-тысячная армия союзников подошла к столице. Уже 29 марта императрица Мария-Луиза с маленьким наследником, римским королем, выехала из Парижа в Блуа.

У французов для защиты Парижа было около 40 тысяч человек. Настроение в Париже было паническое, в войсках тоже наблюдался упадок. Александр не желал кровопролития под Парижем и вообще разыгрывал великодушного победителя. «Париж, лишенный своих защитников и своего великого вождя, не в силах сопротивляться; я глубоко убежден в этом», - сказал царь М. Ф. Орлову, уполномочивая его прекращать бой всякий раз, когда явится надежда на мирную капитуляцию столицы. Ожесточенный бой длился несколько часов; союзники потеряли в эти часы 9 тысяч человек, из них около 6 тысяч русских, но, угнетенные страхом поражения, под влиянием Талейрана, маршал Мармон 30 марта в 5 часов вечера капитулировал. Наполеон узнал о неожиданном движении союзников на Париж в разгаре боев, которые он вел между Сен-Дизье и Бар-сюр-Об. «Это превосходный шахматный ход. Вот, никогда бы я не поверил, что какой-нибудь генерал у союзников способен это сделать», - похвалил Наполеон, когда 27 марта узнал о происходящем. Специалист-стратег сказался в нем прежде всего в этой похвале. Он сейчас же бросился с армией к Парижу. 30 марта в ночь он прибыл в Фонтенебло и тут узнал о только что происшедшем сражении и капитуляции Парижа.

Он был полон всегдашней энергии и решимости. Узнав о случившемся, он молчал с четверть часа и затем изложил Коленкуру и генералам, бывшим около него, новый план. Коленкур поедет в Париж и предложит от имени Наполеона Александру и союзникам мир на тех условиях, какие они ставили в Шатильоне. Затем Коленкур под разными предлогами проведет в поездках из Парижа в Фонтенебло и обратно три дня, за эти три дня подойдут все силы, какие еще есть (от Сен-Дизье), с которыми Наполеон только что оперировал в тылу союзников, и тогда союзники будут выброшены из Парижа. Коленкур заикнулся: а может быть, не в виде военной хитрости, но на самом деле предложить мир союзникам на шатильонских условиях? «Нет, нет! - возразил император. - Довольно и того, что был момент колебаний. Нет, шпага все покончит. Перестаньте меня унижать!»

Е.В. Тарле. Наполеон

МЕДАЛЬ «ЗА ВЗЯТИЕ ПАРИЖА»

В первый же день нового 1814 года русские войска переправились через реку Рейн близ города Базеля (в Швейцарии) и, вступив в земли Франции, стали с боями продвигаться (через Белияр, Везуль, Лангр) в глубь страны, к ее сердцу - Парижу. К.Н. Батюшков, которому суждено было с войсками дойти до Парижа, 27 марта 1814 года писал Н.И. Гнедичу: «...Мы дрались между Нанжинсом и Провинс... оттуда пошли на Арсис, где было сражение жестокое, но не продолжительное, после которого Наполеон пропал со всей армией. Он пошел отрезывать нам дорогу от Швейцарии, а мы, пожелав ему доброго пути, двинулись на Париж всеми силами от города Витри. На пути мы встретили несколько корпусов, прикрывающих столицу и... проглотили. Зрелище чудесное! Вообрази себе тучу кавалерии, которая с обеих сторон на чистом поле врезывается в пехоту, а пехота густой колонной, скорыми шагами отступает без выстрелов, пуская изредка батальонный огонь. Под вечер сделалась травля французов. Пушки, знамена, генералы, все досталось победителям, но и здесь французы дрались как львы».

19 марта союзные войска торжественным маршем вошли в Париж. Французы были немало удивлены гуманным обращением пришедших с востока россиян. Они ожидали мщения русских за Москву, за пролитую в этой войне кровь разорением французской столицы. А вместо этого встретили русское великодушие. Жизнь Парижа продолжалась в том же размеренном ритме, как и до прихода русских войск - торговали лавки, шли театральные представления; толпы нарядных горожан заполнили улицы, они разглядывали бородатых русских солдат и пытались с ними объясняться.

Совсем по-иному вели себя союзные войска. Яркий тому пример приводит будущий декабрист К. Н. Рылеев, сообщая о своем разговоре с французским офицером в Париже: «...Мы покойны, сколько можем, но союзники ваши скоро нас выведут из терпения... - Я русский (говорит Рылеев), и вы напрасно говорите мне. - Затем-то я и говорю, что вы русский. Я говорю другу, ваши-то офицеры, ваши солдаты так обходятся с нами... Но союзники - кровопийцы!».

Но как бы там ни было, а война закончилась. Наполеон был сослан на остров Эльба в Средиземном море, и свергнутая французской революцией власть Бурбонов была снова восстановлена.

Наступало лето. Русские войска походным маршем возвращались в Россию. А 30 августа того же 1814 года манифестом императора Александра I была учреждена наградная серебряная медаль, на лицевой стороне которой помещено погрудное, вправо обращенное, изображение Александра I в лавровом венке и в сиянии расположенного над ним лучезарного «всевидящего ока». На оборотной стороне, по всему обводу медали, в лавровом венке прямая пятистрочная надпись: «ЗА - ВЗЯТИЕ - ПАРИЖА - 19 МАРТА - 1814».

Медаль предназначалась для награждения всех участников взятия французской столицы - от солдата до генерала. Но она не была им вручена. С восстановлением династии Бурбонов русский император счел негуманным выпуск в свет этой медали, которая бы напоминала Франции о былом крушении ее столицы. И только спустя 12 лет она была роздана участникам кампании 1814 года по велению нового императора Николая I, который «...накануне годовщины вступления русских в Париж, 18 марта 1826 года, повелел освятить эту медаль на гробнице своего брата (Александра I)».

Выдача ее участникам началась 19 марта 1826 года и затянулась до 1 мая 1832 года. Всего было выдано более 160 тысяч медалей. Естественно, что на портретах героев Отечественной войны 1812 года, которые были написаны до 1826 года, эта медаль отсутствует среди других наград.

Существовало в основном три ее разновидности по размеру: общевойсковая – диаметром 28 и 25 мм и для награждения кавалеристов – 22 мм. Имелось поперечное ушко с продетым в него колечком для подвески награды на ленте. Подобная медаль, принадлежащая знаменитому партизану 1812 года Денису Давыдову, хранится в Ленинградском военно-историческом музее.

Существует также множество разновидностей этой медали уменьшенных размеров - 12, 15, 18 мм. Это фрачные медали для ношения на гражданской одежде. Носили медаль на груди на впервые введенной комбинированной Андреевско-Георгиевской ленте. Она была обычной ширины, но состояла как бы из двух узких ленточек: Андреевской - голубой и Георгиевской - оранжевой с тремя черными полосами.

Кузнецов А., Чепурнов Н. Наградная медаль. в 2-х тт. 1992

ВЗГЛЯД РУССКОГО ОФИЦЕРА НА ПАРИЖ В 1814 ГОДУ

Торжественный для всей Европы день 19 Марта 1814 года, день вступления в Париж союзных, братских войск разгласит славу Россиян в позднейших потомках, а Летописцы поставят на первом ряду достопамятностей Русскую непреоборимость, увенчанную патриотическим единодушием и неподвижную твердостью. Сама злословная, скрежещущая зависть окаменела при звуках бессмертной славы Русских, совершивших с неувядаемыми лаврами важнейшую эпоху в Истории. Они доказали вселенной могущество твердости народного духа и возвысили цену мужества древних Славян.

Великолепнейший вход наших войск в Париж озарялся чистейшим сиянием солнца, - изображения правоты Россиян! Оный сопровождаем был бесчисленным стечением народа.

Лишь только Император АЛЕКСАНДР и Прусский Король Фридрих Вильгельм с непобедимыми своими Героями приблизились к стенам города, как со всех сторон раздались громозвучные восклицания: «Да здравствуют АЛЕКСАНДР и Вильгельм, освободители Европы!» Миллионы голосов наполняли воздух, радостные отголоски повторялись повсюду; солнечные лучи представляли Перст Божества, благословляющего торжественное шествие Царей, поправших кичливую гордыню вероломства! Все были упоены живейшим восторгом: одни старались перекрикивать других, толпились под лошадей, - как будто считали за счастье быть попранными конями победоносного войска!

Тысяча вопросов: Где Российский Император? заглушали весь город! Смиренномудрие и привлекательная кротость были отличительными оттенками величества нашего Монарха. Все с жадностью устремляли глаза на Государя и пожирали взорами умиленность его взглядов; бросали вверх шляпы, шапки; преграждали улицы; хватались за Его коня, который, видимо, гордился столь священным бременем и, высокомерными шагами подавляя камни, озирался на все стороны, не причиняя окружающей тесноте ни малейшего вреда! Сам Буцефал уступил бы его важной поступи - как и Александр Македонский, конечно, отдал бы преимущество АЛЕКСАНДРУ Российскому!

Дома были наполнены, а кровли усеяны зрителями! Из окон, украшенных наибогачейшими коврами, усыпали цветами улицы, - плескали руками, - разведали платки и с восторгом восклицали: «Да здравствует Император АЛЕКСАНДР, воскреситель Бурбонов!» Миротворительный цвет Лилей чистейшею своею белизною затмил, наконец, кровавое знамя тиранского тщеславия! Многие отважные Француженки с неотступностью выпрашивали себе лошадей, - взлетали на оных и мчались вслед за Государем!

Сие неограниченное исступление едва ли свойственно великому народу. Давно ли Буонапарте, чтимый ими за Бога, подобными восклицаниями был встречаем во время наглого побега своего из России? Необдуманные переходы из одной чрезвычайности в другую означают ветреность характера. Все были в изумлении, видя необыкновенную свежесть и совершенное устройство в нашем войске, которое, по уверению Наполеона, было все разбито, рассеяно, и одни остатки оног скитались по Франции! Чистота оружия, амуниции, одежды и порядок в рядах поражали всех до безумия.

Никто не мог верить, чтобы сия самая чудесная армия из пределов Российских, сражаясь на каждом шагу, проходя по трупам дерзких врагов форсированными маршами, промчалась орлиным полетом чрез все пространство от Москвы до Парижа без всякого изнурения! Можно сказать, что природа сама была участницей в наших победах... На зачинающего Бог! Не спасается Царь многою силою, и исполин не спасется множеством крепости своея.

С изумленными взорами все возглашали: «Храброе сие воинство подобно Ангелам, ниспосланным от Бога для освобождения нас от ига самовластного тирана!»

Везде забелелись кокарды в честь природных Царей! Кровавый кипарис превратился в смиренную Лилею! Кумир Наполеона, воздвигнутый в честь алчного его славолубия на обелиске вышиною в 133, а в поперечнике в 12 фунтов на площади Вандомской (Place Vendome) – был в одно мгновение ока опутан веревками! – Исступленный народ стремился уже низвергнуть оной с высоты; но по воле великодушного Монарха нашего таковая неистовая наглость была остановлена! Белое знамя заступило место колоссального Гиганта!

Все поздравляли друг друга с воскресением потомков Генриха IV и с рукоплесканием восклицали: «Да здравствует Людовик XVIII!» Старая песня в честь Генриха (Vive Henri IV) оживотворялась у всех на устах! Музыка везде гремела! Вымышляемые увеселения по всем улицам взволновались! Всех желания обратились к дружественному союзу. Сам Бог осеял чистейшей радостью счастливые успехи всеобщего благоденствия!

Примерное благочестие Православного нашего Царя нимало не поколебалось от блестящей Его славы. Мечтательность одним безбожникам свойственна. Он повергает лучезарный венец, возлагаемый на Него всеми народами, пред подножием престола Божия; славу свою воздает Всевышнему и признает Всевидящее Око сопутником во всех Своих предприятиях, напечатлев богодухновенную сию мысль на груди сынов Отечества в память незабвенного 1812 года. Да постыдятся и посрамятся ищущи душу мою; да возвратятся вспять и постыдятся мыслящи ми злая!..

По окончании благодарственного с коленапреклонением молебствия, Государь Император отправился во Дворец, где знатнейшие вельможи имели счастье быть ему представлены.